

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

ИСТОРИЯ И ФИЛОЛОГИЯ
ДРЕВНЕГО ВОСТОКА

XI ГОДИЧНАЯ НАУЧНАЯ СЕССИЯ ИО ИВ АН
(краткие сообщения)

Издательство "Наука"
Главная редакция восточной литературы
Москва 1976

Ввиду сказанного выше складывается впечатление, что настало время на смену общему резкому обособлению ЭС от НС поднять тезис о сравнительной близости разделяющего их типологического расстояния и о более обособленном положении АС.

Несмотря на серьезные трудности адекватной типологической интерпретации структуры древневосточных языков, существует возможность усмотреть во многих из них признаки как ЭС, так и АС. В частности, хуррито-урартские и нумерский языки, будучи в своей основе эргативными, обнаруживают некоторые черты АС (ср. синтаксические и морфологические особенности в них части глаголов движения, говорения). Напротив, староламский язык скорее приближался к АС, поскольку в нем засвидетельствовано по крайней мере большинство структурных импликаций последнего. Наименее ясным представляется до последнего времени типологический облик хаттского языка. Что же касается древнеегипетского языка, то в его существенно номинативизованной структуре еще отчетливо различны некоторые черты АС.

И.М. Дунаевская

Новые перспективы исследования хаттского языка

В последнее время стало создаваться и циркулировать мнение, что дальнейшее изучение хаттского языка становится бесперспективным, потому что материал ограничен не только количественно, но и качественно, а возможность улучшения этого положения проблематична.

Первичная характеристика дошедших до нас хаттских текстов имеет два аспекта: 1) степень сохранности, и 2) качество письменной фиксации. Нет клинописных памятников, которые в обоих этих отношениях были бы хуже хаттских. Большая часть текстов — фрагменты в точном смысле слова, т.е. куски высушенной глины, представляющие собой обломки середины или одного из краев табличек с сохранившимися частями строк; целых или мало поврежденных текстов очень мало. Что же касается плохого качества фиксации текстов, то оно связано с их искажением еще в древности при первичной за-

писи и при переписывании. Хаттские тексты, ритуальные по содержанию, возникли задолго до их записи и передавались долгое время устным путем, пока не были впервые зафиксированы писцами, для которых хаттский язык был чужим, и которые плохо или вовсе не понимали, что пишут; при повторном переписывании они оказывались не в состоянии ни исправить ошибки, даже мелкие, ни восстановить лакуны или хотя бы отдельные поврежденные знаки, ни избежать переосмысления ряда мест.

Все это не является новостью для исследователей хаттского языка; они давно смирились с такой ситуацией и научились продвигаться вперед в деле выявления лексики и интерпретации грамматики, основываясь на хаттско-хеттских билингвах и возмекая в изучение данные одноязычных текстов, умудряясь даже в ряде случаев при помощи различных комбинаторных соображений находить и исправлять ошибки, допущенные писцами. Отсюда понятна предельная заинтересованность специалистов в максимальной полноте доступного им материала и болезненность, с которой воспринималось то обстоятельство, что с 1932 г. все найденные хаттские тексты, в том числе и те, которые обнаруживались в отвалах старых раскопок 1906-1907 и 1911-1912 гг., были отданы в полное распоряжение одному лицу - Гансу-Зигфриду Шустеру, который на протяжении более 40 лет имеющиеся у него материалы не показывал, ничего из них не публиковал и ни разу ни о чем не высказывался в печати. Естественно, что когда, наконец, несколько лет тому назад в проспектах издательства Брилль появилось сообщение о готовящемся выходе большой работы Г.-З.Шустера "Хаттско-хеттские билингвы", то настроение поднялось, и напряжение ожидания увеличилось. Соответственно, в предвидении долженствующих вот-вот появиться новых материалов пропало желание помещать в печати сколько-нибудь окончательные выводы относительно хаттского языка. Наконец, в 1974 г. книга вышла. Увы, только первая часть первого тома. Так как томов обещано два, то это, в лучшем случае, треть, а может быть даже всего лишь четверть всей работы, причем здесь представлена пока лишь одна билингва из семи сохранившихся, правда, самая пространная, но как раз не та, которая до сих пор вообще не публиковалась и которую все ждут с особым нетерпением.

Из "Введения", предосланного Г.-З.Шустером своей книге,

явствует, что он располагает довольно большим количеством хаттских текстов, оставшихся до сих пор неизвестными. Вместе с тем автор, опираясь на данные раскопок Богазкёйского архива, полагает, что с территории городища извлечены все сохранившиеся хаттские тексты, и что нет более надежды на сколько-нибудь значительные находки в дальнейшем.

Конечно, до нас дошла лишь малая часть того, что когда-то было. Но ныне это, очевидно, действительно все, на что можно рассчитывать. Таким образом, заканчивается период предварительных исследований, в которых высказывалась или угадывалась надежда расширить и уточнить предлагаемые выводы на основании новых, более значительных находок, на фоне которых неопубликованная часть, — та, что была в распоряжении Г.-З.Шустера и не входила длительное время в научный обиход, — могла оказаться не слишком значительной. Теперь дело обстоит иначе, и тем самым возникает представление об обязательном объеме хаттского языкового корпуса, на который должна опираться всякая попытка интерпретации и исследования языка. Этот обязательный объем — все донные обнаруженные тексты, включая самые мелкие фрагменты, хотя бы они содержали лишь одно слово или часть слова: в сочетании с другими они могут пролить свет на тот или иной еще не выясненный языковой факт. Чтобы субъективные соображения, всегда играющие известную роль при публикации текстов, минимально влияли на подачу материала, тексты, как это обычно делается, должны быть изданы в автографии (в идеале — с приложением фотографий), а затем другое лицо, хорошо знакомое с богазкёйской палеографией, должно подвергнуть их сверке с оригиналами (коллажи).

К сожалению, судя по тому же "Введению" Г.-З.Шустера, в жизненные планы автора такая публикация не входит, и пока не видно, чтобы он собирался предоставить эту возможность кому-нибудь другому. Вместе с тем, в книге Г.-З.Шустера ранее не известные фрагменты приводятся только к слову, в параллель к тем или иным наблюдениям, связанным с конкретным обсуждаемым двуязычным текстом, в данном случае с ритуалом Во 2030. Этот текст, изданный впервые еще в 1922 г. в КУВ II 2, неоднократно комментировался и переводился. Других хаттско-хеттских билингв в первой части книги Г.-З.Шустера нет. В этом смысле она пока обманывает ожидания. Нужно однако сказать, что автор приводит

к этому тексту дополнительные фрагменты, а филологическая работа над ним проделана автором на самом высоком уровне, с исчерпывающим привлечением параллельных мест, вариантов, аналогий из других текстов и глубоким проникновением в материал как хаттской, так и хеттской версии. Это дает право надеяться, что, когда выйдут все таким образом обработанные им двуязычные хаттско-хеттские тексты, в том числе ранее не издававшиеся, в распоряжении исследователей окажется, с учетом разнообразных экскурсов автора, также и текст подавляющего большинства, а, может быть, и всех одноязычных фрагментов.

Прекрасно представленной и прокомментированной билингве В 2030 Кув II 2 Г.-З.Шустером предпослана исчерпывающая характеристика всех сохранившихся хаттских текстов с точки зрения их дифференциации по жанру и по языку, с точки зрения возможностей их относительной и даже в некоторых случаях абсолютной (хотя, по понятным причинам, и грубой) датировки. Тексты удачно расклассифицированы в зависимости от их принадлежности к государственным или местным культурам, а также по функциональным, жанровым и формальным характеристикам. В ряде случаев выяснено также, кем, когда и при каких обстоятельствах произносились или же пелись те или иные тексты.

Подводя итоги своему "Введению", Г.-З.Шустер подробно останавливается на вопросах сохранности текстов и на качестве их фиксации, разбирая типы встречающихся ошибок и описок. Здесь большим подспорьем оказываются изученные им до тонкостей формулярные тексты разного типа, а также прекрасное знание техники письменной фиксации - дуктуса, правил растянутого и скатого размещения знаков и проведения горизонтальных линий, либо разделяющих табличку на отдельные графы, либо ограничивающие ее по нижнему краю (при повторной переписке писцы иногда принимали ограничительную линию за разделительную, копируя ее и тогда, когда она уже не приходилась на край, что приводило к разрыву связного текста). Остроумные наблюдения позволяют Г.-З.Шустеру в ряде случаев со значительной степенью уверенности исправлять искажения, встречающиеся в хаттских текстах. Таким образом, есть все основания ожидать, что когда данная работа выйдет наконец целиком, специалисты получат оптимально обработанный материал. Однако вряд ли это обстоятельство освобождает автора от необходимо-

сти, предвзяв свой труд, уделить больше внимания тому, что делалось в области изучения хаттского языка в течение тех многих лет, пока он уединенно работал над своей книгой.

Между тем раздел, названный "Исследование хаттского языка до настоящего времени", занимает всего пять с половиной страниц, на которых автор не подводит никаких итогов, не входит ни в какие дискуссии, не дает никаких оценок, делая в этом отношении исключение лишь для одной и заслуженно забытой работы Месарона, относительно которой он ссылается на давнюю рецензию И.Фридриха (1934 г.). Элемент дискуссии не всегда присутствует и при рассмотрении грамматических вопросов непосредственно на языковом материале. Однако, если вчитаться в комментарий к хаттскому тексту и выбрать из него грамматические соображения, то окажется, что хаттская грамматика представляется Г.-З.Шустеру во многом иной, чем она выглядит в опубликованных до сих пор работах. Достаточно сказать, что в отличие от авторов, не обнаруживших в хаттском языке показателей времени и лица в глаголе, он также показатели находит, причем материально они не совпадают с теми показателями, которые когда-то предлагались, пока не были достаточно убедительно оспорены. Что касается падежей в хаттском, то и здесь в литературе имеются разные точки зрения. Позапя Г.-З.Шустера полностью совпадает с одной из них^{*)}, но он не указывает, пришел он к ней независимо или нет. Это странно. Можно примириться с отсутствием упоминания взглядов, отменяемых новыми выводами автора, но если эти выводы совпадают с ранее опубликованными соображениями других авторов, то как же здесь обойтись без соответственных ссылок или хотя бы указания, что эти выводы получены автором независимо. Пока неясно, будут ли дискуссионные вопросы обсуждены в обзоре грамматики, которым должно завершиться исследование.

Весьма досадно, что в работе, выходящей на исходе третьей четверти нашего века, возрождается устаревший и давно оставленный принцип "Rozzica non legitur". Подчас это приводит к недоразумениям. Так, например, два из четырех положений, предлагаемых Г.-З.Шустером в качестве "исходных аксиом всего исследования", текстуально совпадают с выводами русских работ 50-х годов,

*) "Вестник древней истории", 1964, № I, стр.102 сл.

подробно реферированных по-немецки в 60-х годах.

Наряду с повторением уже известного из более ранних работ, у Шустера имеется и немало нового, как в издании хаттских текстов, так и в их истолковании.

Несомненно, что вышедшая часть работы Г.-З.Шустера воспринималась бы лучше, если бы в ней было сказано о композиции всего труда в целом и объяснено, какой материал войдет в дальнейшие его части и как этот материал будет по ним распределен. Это тем более нужно, что выход в свет дальнейших частей, вероятно, затянется; во всяком случае, издательские каталоги никаких данных о них пока не содержат. Отсутствие сведений о структуре работ заставляет любознательного и неравнодушного читателя, нетерпение которого подогревалось многими годами ожидания, "вычислять" намерения автора по перекрестным ссылкам (кстати сказать, судя по этим ссылкам можно заключить, что авторская работа над обоими томами полностью завершена). "Результат вычисления" получается следующий:

1) Всего будет издано 7 билингв, причем второй по порядку будет издана билингва, никогда ранее не публиковавшаяся. Все билингвы пополнены не известными донныне фрагментами. Судя по уже изданному первому тексту, можно надеяться увидеть все или почти все контексты из одноязычных фрагментов, которые могут помочь пониманию соответственных билингв и интерпретации хаттской грамматики.

2) Опять-таки по ссылкам можно представить себе и будущую хаттскую грамматику Г.-З.Шустера, которую он, очевидно, намерен поместить где-то в самом конце своего труда, перед дополнениями (на которые также имеются ссылки). Судя опять-таки по ссылкам, грамматика будет конспективной и будет состоять из девяти параграфов, посвященных палеографии, фонетике и графике, имени, глаголу, союзам, частицам и синтаксису, или, как выражается автор, "правилам порядка слов в предложении".

Новым по сравнению с уже ранее установленными фактами хаттской грамматики (см. работы Э.Форрера, Э.Лароша, И.М.Лунаевской, И.М.Дьяконова и А.Камменхубер) представляются следующие пункты:

1) В глаголе удастся установить следующие личные, временные и субъектно-объектные показатели:

а) префикс a_i- (часто $a_i- > e/i-$) - показатель I-го лица (стр.90, 93, 97);

б) префикс *u-* - показатель 2-го лица единственного числа (стр.91, 96, 143, 146);

в) префикс *te-* - показатель 3-го л. (стр.138)^ж);

г) префикс *a-* - связан каким-то образом с показателями лица (стр.144);

д) суффикс *-e* - показатель настоящего времени (стр.93, 146; следует однако иметь в виду, что *-e* может также передавать "скользящий звук", стр.146);

е) префикс (а) *n-* - показатель единственного числа объекта и "непереходного" субъекта (стр.120, 142);

ж) префикс (а) *b-* - показатель множественного числа объекта и "непереходного" субъекта (стр.132)

2) По крайней мере часть функций префиксов *u-*, *e/ay-*, *ai-* и *pa-* совпадает при имени и при глаголе, причем *u-* и *ai-* при имени являются possessивными местоимениями, при глаголе - показателями лица; *pa-* употребляется одновременно как при глаголе, так и при каком-то образом зависящем от него имени, обозначая, возможно, направление действия (иллатив, стр.97).

3) Бессуффиксные формы хеттских глаголов систематически передаются на хеттский язык претеритом (стр.90, 131).

4) Императив выражается суффиксом *-ā* (стр.96, 146), который следует отличать от всегда краткого суффикса прекатива *-a* (стр. 146).

5) Прекатив образуется посредством сочетания префикса *te-* с суффиксом *-a* (стр.134, 146).

6) При прямом дополнении ("объекте" в терминологии Г.-З.Шустера) суффиксы систематически отсутствуют (стр.93).

7) Префикс *va/i-* - показатель коллективного, или, может быть, неопределенного множественного числа (стр.80, 94, 129, 132 и др.), является единственным показателем множественного числа имени; если учесть, что автор рассматривает префикс *be-*, до сих пор считавшийся локативом, как форму указанного префикса коллективного множественного числа, то последний приобретает вид *v-/va/e/i-*, причем *v-* соответствует на письме первому

^ж) Видимо, речь идет о показателях субъекта действия?

элементу слоговых знаков, начинающихся на ц, р или в.

8) Префикс *le-* - именной показатель, обозначающий только possessiv (стр.130; когда-то он рассматривался как показатель множественного числа, а затем possessивная функция этого показателя представлялась совмещенной с функцией мн.числа).

9) Префикс *a/e/iŕ-* - именной показатель, имеющий дистрибутивное значение (стр.82, 137).

10) Конечный согласный префиксального показателя перед основами, начинающимися с гласного, при написании удваивается, например, *a-aŕ-i-i-a* следует читать *aŕ-iia* (стр.116).

11) Согласный *-n* в конце слова может не обозначаться, причем предыдущий гласный иногда приобретает так называемое полное написание (стр.123; это наблюдение имеет особое значение в связи с тем, что именной суффикс *-un/-n* или *-u*, являющийся показателем падежа *Obliquus* в терминологии Г.-З.Шустера - или суффиксом косвенного дополнения - в терминологии И.М.Дунаевской - иногда отсутствует).

Чрезвычайно интересно, как перечисленные пункты, а также и другие, не упомянутые здесь, но также важные наблюдения Г.-З.Шустера, будут развиты им на материале дальнейших частей его книги. Если эти утверждения не войдут в противоречие с позиционной структурой хаттских грамматических показателей (жесткость этой структуры признает и Г.-З.Шустер) и в дальнейшем подтвердятся, они значительно изменят существующие представления о хаттском языке.

Таким образом, теперь есть все основания надеяться, что после того, как труд Г.-З.Шустера выйдет полностью, вся кропотливая работа, связанная со сверкой хаттских текстов по подлинникам и по фотографиям (последние иногда дают больше, чем таблички, которые продолжают разрушаться), сможет считаться в основном завершенной. Главная же лингвистическая работа, вероятно, еще впереди. И мне кажется, что на ее результаты можно возлагать довольно большие надежды, тем более, что начали кристаллизовываться основания считать хаттский язык эргативным (наличие общекосвенного падежа, совпадение показателей объекта действия и субъекта "непереходного" глагола, возможность совпадения числа глагольного сказуемого о числом объекта действия и др.). Продолжает оставаться открытым и важный вопрос о родственных связях хаттского языка.